

Глава 4
**МОСКОВСКИЕ ИСТОРИКИ
ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
(1917 — начало 1920-х гг.)**

**1. Московские историки в условиях революций
и Гражданской войны**

Историк, в отличие от рядовых, граждан имеет возможность рассмотреть текущие события в исторической перспективе. Опыт, накопленный в ходе изучения прошлого, помогает смотреть на настоящее критичнее. Давно замечено, что люди, пережившие крупные исторические события, обладают особой исторической интуицией. Наступившая революционная эпоха стала переломной для судеб и научного творчества российских историков, заставив почувствовать динамику исторических процессов на себе. Революционная эпоха разрушила сложившийся мир, радикально изменив условия быта и научного творчества.

Но в начале 1917 г. все шло, казалось, своим чередом. Для Веселовского 1917 г. начинался ожиданием решения о присвоении ему степени доктора наук Московского университета. Получение степени открывало дорогу на университетскую кафедру, что окончательно стало бы свидетельством признания со стороны коллег. Вопрос о присуждении ему степени за монографию «Сошное письмо», минуя магистерские экзамены, был поднят еще в 1915 г. сразу после выхода первого тома исследования. Но в университете у Веселовского было немало недоброжелателей (например, Богословский), которые всячески тормозили этот процесс¹. Историк покровительствовал известный историк-юрист, заведующий кафедрой истории русского права А.Н. Филиппов, предложивший приват-доцентуру на юридическом

¹ *Веселовский С.Б. Дневники 1915–1923, 1944 г. // ВИ. 2000. № 2. С. 99.*

факультете¹. 4 октября 1916 г. юридический факультет принял единое решение о присуждении степени доктора *honoris causa*², но это решение еще надо было провести через совет университета. Только 27 мая 1917 г. Веселовскому предоставили искомую степень³.

Еще одним событием, приобретшим особую важность для историка в это время, стало его знакомство с И.А. Буниным. Очень быстро выяснилось, что их взгляды на многие вопросы совпадают, и между ними «установились очень простые и естественные отношения»⁴. В частности, они сошлись в скептическом отношении к русской интеллигенции. Поэтому не случайно, что в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» упоминается книга Веселовского «Сошное письмо»⁵. Веселовский ввел Бунина в круг московских историков. Сын Веселовского, Всеволод, вспоминал: «Бунина видимо интересовали профессора, собиравшиеся у нас. Он как-то назвал их сверх-интеллигентами»⁶. В ходе встреч обсуждались самые злободневные вопросы, шли споры о судьбах России, русского народа. Так, Яковлев язвительно говорил, что «русская государственность имеет три основания: 1) русские против внешних врагов сражаются как львы, 2) между собой человек человеку — волк, 3) перед начальством — „чего изволите?“, по-собачьи»⁷. Веселовский скептически смотрел на особенности развития России. Он считал, что у огромной империи отсутствует внутренняя связь. Нет «настоящего патриотизма и национализма». Более того, «Россия развалится при внутренних или внешних потрясениях. Признаки государственного разложения уже есть»⁸. Собеседники не соглашались с Веселовским, указывая, что процесс культурного развития прогрессирует.

Между тем, ситуация в стране накалялась. Еще незадолго до свержения царской власти Веселовский утверждал в письме С.Ф. Платонову, что паралич аппарата власти может привести к скорому перевороту⁹. Догадывался ли он, что события будут развиваться столь стремительно?

¹ Там же. С. 106.

² Там же. С. 111.

³ *Веселовский С.Б.* Дневники 1915–1923, 1944 г. // ВИ. 2000. № 3. С. 91.

⁴ Там же. С. 84.

⁵ *Бунин И.А.* Жизнь Арсеньева // Бунин И.А. Избранное. Т. 2: Дневники, роман, рассказы. М., 1996. С. 329.

⁶ *Веселовский В.В.* И.А. Бунин и московские историки накануне революции // *Веселовский С.Б.* Семейная хроника. Три поколения русской жизни. М., 2010. С. 207.

⁷ Там же. С. 214.

⁸ Там же. С. 215.

⁹ *С.Б. Веселовский* — С.Ф. Платонову. 2 апреля 1917 г. // Переписки С.Б. Веселовского с историками... С. 188.

26 февраля до Веселовского дошел слух, что в Петрограде произошел военный мятеж. На следующий день стало ясно, что старое правительство свергнуто. Историк со свойственной ему настороженностью отнесся к революции: «Словом, достукались, а что из этого выйдет, невозможно предвидеть»¹. Кроме того, историк был настолько погружен в свою научно-исследовательскую работу, что в первое время рассматривал случившиеся события как досадную помеху для работы. Только спустя некоторое время он все больше внимания начинает уделять анализу случившегося.

Для осмысления событий историк мобилизовал всю свою эрудицию: познания не только в области истории, но и юриспруденции и политэкономии. Тема истоков и последствий революции станет центральной на страницах его дневника. Революцию он расценивал не как социальную, а как политическую, произошедшую из-за недовольства старым режимом всех слоев населения. Но новую власть он не рассматривал как адекватную замену. При этом он уже тогда отмечал, что после «единения всех классов и сословий... неминуемо при нашем отсутствии государственного, национального и правового смысла начнется расслоение, а затем жесткая борьба»². К сожалению, данный прогноз полностью сбылся. Российское государство он назвал «историческим недоразумением», утверждая, что еще в 1905 г. предрекал его скорое падение³. Причину деградации нации он видел в слабости национального самосознания, что ярко проявилось в разложении армии.

Углубляясь в предпосылки случившейся катастрофы, Веселовский указывал и на фундаментальные причины. Он считал: «Одной из главных причин, почему Россия оказалась колоссом на глиняных ногах... мне кажется то, что мы во время величайшего столкновения народов оказались в положении народа еще не нашедшего своей территории. То есть: мы расползлись по огромной территории, не встречая до недавнего времени на своем пути сильных соседей-врагов, растаскивали, а не накапливали хозяйственные и духовные свои богатства и истощили основное ядро государств — великорусскую ветвь славян — на поддержание колосса на глиняных ногах»⁴. В этой мысли, очевидно, прослеживаются популярные в начале XX в. идеи о влиянии плотности населения на динамику развития общества. Считалось, что чем больше населения, тем динамичнее протекают процессы социальной эволюции⁵. Надо сказать,

¹ *Веселовский С.Б. Дневники 1915–1923, 1944 г. // ВИ. 2000. № 3. С. 86.*

² Там же. С. 87.

³ Там же. С. 90.

⁴ Там же. № 6. С. 96.

⁵ *Шапиро А.Л. Указ. соч. С. 486–487.*

что концепция недостаточной освоенности территории российского государства пользовалась практически всеобщим признанием.

Анализируя происходящие события, Веселовский приходил к выводу, что революционные партии не способны организовать нормальное функционирование общества. 7 мая он записал в своем дневнике: «То, что называют теперь великой революцией... в сущности есть не революция, и даже не политический переворот, а распад, разложение, государственное и социальное»¹. Веселовский уже тогда видел, что сложившаяся ситуация приведет к эскалации насилия, поскольку в борьбе с крайностями левых партий и «немецкой агитацией» правительство вынуждено будет перейти к применению силы.

Мрачным представлялось Веселовскому и будущее России. Сего точки зрения, она окончательно утратит роль великой державы. «Из войны она выйдет разоренной, истощенной, урезанной и опозоренной»², — считал он.

В это же время начал вести дневник и другой московский историк, Готье. Свои заметки Готье изначально задумывал как работу, написанную на стыке исторического исследования текущих событий и собственно дневника (исторического источника). К своим записям ученый подошел как профессиональный историк, ищущий историческую перспективу происшедших событий, старающийся уловить закономерности происходящего. Не случайно сам Готье свой дневник рассматривал как начало исследования о падении Российской империи³ и называл его по аналогии с шедевром древнерусской литературы «Словом о погибели земли русской».

Первоначально главной причиной революции в России Готье видел разложение правящего режима⁴. Уже в июле, так же как и Веселовский, Готье смотрел на будущее России крайне мрачно: «Будущего России нет; мы без настоящего и без будущего»⁵. От общих рассуждений о судьбах России историк быстро перешел к осмыслению причин катастрофы через анализ русского народа, являвшегося цементирующей основой рухнувшей империи. «Русский народ — народ пораженец; оттого и возможно такое чудовищное явление, как наличность среди чисто русских людей — людей, страстно желающих конечного поражения России», — в порыве отчаяния писал он⁶. Характерной чертой Готье считал отсутствие чувства

¹ Веселовский С.Б. Дневники 1915–1923, 1944 г. // ВИ. 2000. № 3. С. 88.

² Там же. С. 91.

³ Готье Ю.В. Мои заметки. М., 1997. С. 313.

⁴ Там же. С. 13.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 16.

патриотизма у русских: «Необычайно уродливое явление — отсутствие русского вообще и в частности великорусского патриотизма. В так называемой Российской державе есть патриотизмы какие угодно — армянский, грузинский, татарский, украинский, белорусский — имя им легион, — нет только общерусского, да еще великороссы лишены оно. Как будто великороссы, создавшие в свое время погибающую теперь Россию, совершенно выдохлись, или же понятие общерусского и великорусского настолько отождествилось с режимом политическим, который существовал до последнего времени в России, что и ненависть к этому режиму перенесена была на все общерусское и вызывала эту атрофию общерусского патриотизма. Частный, областной патриотизм, культивируемый в бывшей России, есть один из самых дурных видов партикуляризма; он погубил много славянских государств, погубит и наше»¹. Отсутствию чувства родины и ответственности за нее Готье отводил ключевую роль в сложившейся ситуации: «В самом деле, кто был патриотами на Руси — часть мечтательных помещиков, да еще метисы, вроде меня и очень многих мне подобных»², — утверждал Готье. Он считал, что отсутствие «национального самосознания и здорового инстинкта самосохранения» привело русских к гибели. С его точки зрения, русский народ сам вырыл себе могилу. Хорошее знание славянской истории позволило проводить историку аналогии, конечно же, поверхностные, но от того не менее показательные и злободневные.

Но в причинах развала государства историк находил и конкретно-исторические предпосылки: «Главные причины гибели России: I) Внутренняя политика Голштинской династии (эгоизм, деспотизм, жестокость и недалёковидность); II) Неудовлетворительность реформ Александра II: вызванное к жизни крестьянское сословие не получило достаточно прав; правительство не умело поладить с новыми внесловными общественно-политическими деятелями; III) Непрактичность, тупость, ограниченность идеологий и практических стремлений революционеров от 1860 до 1917 г.; IV) Недостаток честности, казнокрадство, не позволившее создать органов обороны; V) Темнота, явившаяся последствием продолжавшейся той же внутренней политики при Александре III и Николае II; III, IV и V создали измену, так ярко расцветшую в 1914–1917 гг.; VI) Пангерманизм; VII) Ошибки революции — следствие I–V»³. В этом пространном отрывке отчетливо проявились общественно-политические мировоззрения историка. Очевидно, что Готье стоял на позициях умеренного либерализма, не принимая радикальных настроений революционных деятелей. При всем

¹ Там же. С. 19.

² Там же. С. 125.

³ Там же. С. 22.

своим либерализмом (проявившемся в обвинениях в адрес Александра III и Николая II в нежелании и неумении сотрудничать с обществом), не менее очевидна и его государственническая позиция, неприятие анархии и международного ослабления страны. Еще одно обвинение — пангерманизму, может расцениваться и как настроение части российского общества, и как наследие французского происхождения Готье. Не случайно последовательный антигерманизм — одна из черт его записок.

Естественно, что прогноз о будущем России Готье также не отличался оптимизмом: «После 1861 года — погибло дворянство, так как не смогло приспособиться к новой жизни; после 1917 года — погибнет весь народ, ибо нового уклада, ни состязания с Европой он не в силах выдержать»¹.

Оба историка скептически относились и к Временному правительству. Впрочем, такие настроения были и у многих других представителей научного сообщества московских историков. Веселовский сравнивал деятельность Временного правительства с «маниловщиной», стремлением понравиться всем и уйти от ответственности. «Мне представляется, что путь один — бросить маниловщину и политику компромиссов, которые ведут только к замедлению неизбежного процесса разложения»², — утверждал он. Очевидно, что историк считал, что стране нужна последовательная и сильная власть.

Последней надеждой для него и для многих сторонников сильной власти было выступление Л. Г. Корнилова. Не случайно в составлении аграрной программы Корнилову участвовал другой представитель младшего поколения Московской исторической школы — Яковлев. Краткое описание программы сохранилось в докладах Следственной комиссии по делу Л. Г. Корнилова³. По словам следователей, аграрный проект Корнилова составлялся на основе доклада Яковлева, который «бросил все и ушел в народ, дабы путем личных восприятий выяснить истинное отношение широких масс к этому наболевшему вопросу»⁴. На основе собственных наблюдений историк пришел к выводу, что национализация земли в России невозможна, поэтому отчуждение земель должно пройти на выкупной основе. Предполагалось выкупить землю у частных владельцев и передать ее крестьянам для создания мелкого крестьянского землевладения. Как докладывали следователи: «В грубых чертах проект

¹ Там же. С. 122.

² Там же. С. 88.

³ Доклад Чрезвычайной комиссии об итогах следствия по делу о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л. Г. Корнилове и его соучастниках // Дело генерала Л. Г. Корнилова. Август 1917 — июнь 1918: Документы. Т. 1. М., 2003. С. 144–342.

⁴ Там же. С. 224.

таков: все земли частновладельческие, монастырские, удельные и казенные обращаются на основании справедливой и разумной оценки в особый государственный земельный фонд. Отчуждению не подлежат земли частных землевладельцев, площадь которых не превышает ста десятин и те частные владения общей площадью 5 миллионов десятин, которые местными особо созданными учреждениями будут признаны имеющими промышленное значение... Отчуждению не подлежат все лесные земельные угодья и дачи. Необходимый для выкупа капитал образуется путем установления особого налога на все виды собственности, не подлежащие отчуждению, то есть городские имущества, лесные угодья, промышленные предприятия и капиталы. Государственный земельный фонд предназначен для прирезки на отрубные участки площадью от 15 десятин в зависимости от места нахождения земли и распределяется безвозмездно между всеми солдатами... и семьями убитых воинов, матросы пользуются теми же правами»¹. Проект всецело поддерживал сам Корнилов, рассчитывавший с его помощью привлечь на свою сторону солдатские массы, столь необходимые для удержания власти.

Аграрная программа Яковлева, судя по отзывам о ней, носила популистский характер, предполагая наделение слишком большим количеством земли каждого солдата. П.Н. Милюков отзывался об этой программе как «фантастическом плане», называя Яковлева «не вполне уравновешенным господином»². Любопытно отметить, что Милюков до этого даже не знал Яковлева, хотя круг московской профессуры, тем более историков, был крайне тесен. Это показывает, насколько Милюков был погружен в политику и отошел от научных кругов. Скептически к этой программе относился даже ближайший сподвижник Корнилова, А.И. Деникин³. О Яковлеве как авторе аграрной программы упоминает и А.Ф. Керенский⁴. Сам ученый признавал Корнилова, по свидетельству Готье, хорошим военачальником, но не политиком⁵.

Отношение к выступлению Корнилова у московских историков было неоднозначным. Готье считал это авантюрой, а Веселовский писал: «Выступление Корнилова — последняя ставка на спасение России. Ставка бита, или, вернее, сама оказалась пустой»⁶. Если к Временному правительству московские историки относились скептически, то захвативших

¹ Там же.

² Милюков П.Н. История второй русской революции. М., 2001. С. 357.

³ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 — апрель 1918. М., 1991. С. 50.

⁴ Керенский А.Ф. «Дело Корнилова». М., 1918. С. 186.

⁵ Готье Ю.В. Мои заметки... С. 33.

⁶ Веселовский С.Б. Дневники 1915–1923, 1944 г. // ВИ. 2000. № 3. С. 95.

власть большевиков расценивали не иначе, как негодяев. Осмысление феномена большевизма станет надолго одним из лейтмотивов записок Веселовского и Готье.

Уже сразу после захвата власти большевиками Готье не разделял мнения многих знакомых, что они продержатся не больше нескольких месяцев. Он считал, что впереди предстоят тяжелые годы¹. 18 января 1918 г. он записал: «...У меня сложилось твердое убеждение, что большевики останутся у власти очень долго»². В дальнейшем неприязнь к большевикам только усиливалась. Он противопоставлял их «цивилизованным людям» и даже начал считать, что приход немцев — это меньшее зло: «Большевизм как опыт социалистической пугачевщины, настолько дик и тяжел, что даже владычество бронированного немецкого кулака кажется наименьшим злом, чем разгул русских горилл»³. Таким образом, большевизм и его успех историк напрямую связывал с некультурностью масс. Неслучайно он использовал слово «гориллы» как обозначение крайней невежественности новых «хозяев жизни». По меткому замечанию первого публикатора дневника ученого, Т. Эммонса, «для него они представляли собой смесь отрицательных свойств интеллигенции... и черни»⁴. Стоит отметить, что в представлении о том, что немцы — меньшее зло, Готье был не одинок: многие представители российской интеллектуальной элиты считали так же⁵. Негативное отношение московских историков к большевикам находилось в русле настроений большей части русской интеллигенции⁶.

Значительное внимание осмыслению феномена большевизма уделил Веселовский. Причем он подошел к вопросу больше с научно-исследовательской точки зрения, а не с эмоциональной, как это сделал Готье. Сначала Веселовский, казалось бы, не выделял большевиков в общем потоке анархии, но уже в 1918 г. Октябрьская революция коснулась и историка. 3 января 1918 г. в его арбатской квартире прошел обыск⁷. Впрочем, на первый раз все закончилось хорошо. Крайне негативно ученый воспринял разгон Учредительного собрания. С его точки зре-

¹ Готье Ю.В. Мои заметки... С. 47.

² Там же. С. 108.

³ Там же. С. 114.

⁴ Эммонс Т. Ю.В. Готье и его дневник // Готье Ю.В. Мои заметки... С. 7.

⁵ М.О. Меньшиков: Материалы к биографии // Российский архивъ. IV. М., 1993. С. 19.

⁶ Аксютин Ю.В., Волобуев О.В. Русская интеллигенция и большевистская революция: в хаосе событий и смятении чувств (25 октября — 7 декабря 1917 г.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2007. № 1. С. 135—147.

⁷ Веселовский С.Б. Дневники 1915–1923, 1944 г. // ВИ. 2000. № 3. С. 98.

ния, это был конец революции и начало окончательной победы сначала анархии, а затем и реставрации. Большевикам в этом процессе он отводил следующую роль: «Большевики „народные“ комиссары в точности выполняют немецкую программу...»¹. Здесь Веселовский следовал популярным слухам о связи большевиков с германскими спецслужбами. Сам он был уверен, что новые власти долго не продержатся, но «издыхающая гадина, — писал он, — перед смертью еще напакостит»². Когда по стране упорно муссировались слухи о захвате России немцами, Веселовский так же, как и Готье, считал, что германская оккупация — меньшее из зол, по сравнению с «большевицкой чернью»³.

Вскоре от эмоциональных оценок Веселовский перешел к целенаправленному изучению социализма и большевизма. 6 февраля 1919 г. он сделал следующую запись: «За последнее время я много читаю по истории революций и социализма и обдумываю исследование по этим вопросам»⁴. Любопытно отметить, что в дневнике проскальзывает упоминание о существовании некоего кружка исследователей социализма. 13 апреля 1919 г. было уже четвертое заседание⁵. Автор записок не упоминает (очевидно, чтобы не скомпрометировать) членов этого кружка. Он считал, что происходящие с ними события позволяют во многом по-новому проанализировать социализм. Особенностью изучения социализма в данных условиях стало то, что многие его теоретические положения на глазах историка реализовывались на практике. С научной точки зрения это была уникальная возможность сверить теорию с реальной жизнью. Особую важность изучения социалистической теории и практики, по мысли Веселовского, придавало то, что, несмотря на отход большевиков от многих принципов социалистического учения, в основе их идеологии лежал все-таки социализм. «Дело в том, что большевицкая программа проводится кустарно, часто очень нелепо, к большевикам примазалось много грязных элементов, компрометирующих их дело, но все-таки в их революции очень много того, что неизбежно при существовании всякого социализма»⁶, — считал он.

Анализируя теорию и практику большевизма, Веселовский вскоре пришел к выводу, что большевизм не имеет ничего общего с марксизмом⁷, хотя и последний он также не ставил высоко в смысле адекватности

¹ Там же.

² Там же. С. 103.

³ Там же. № 6. С. 93.

⁴ Там же. № 8. С. 88.

⁵ Там же. С. 101.

⁶ Там же.

⁷ Там же. № 6. С. 102.

объяснения эволюции общественных отношений. «Грубый материализм теоретического марксистского и практического нашего глуповского коммунизма есть полная безыдейность, полное отсутствие какого бы то ни было целостного мировоззрения»¹, — писал он.

Ситуацию в декабре 1918 г. автор сравнивал с Францией накануне захвата власти Наполеоном: всеобщее безразличие. Но дальнейшее сравнение русской и французской революций было не в пользу первой. Если во Французской революции историк находил мощную созидательную струю, то в русской кроме разрушения — ничего².

Историк категорически отвергал мнение, что революции — естественные элементы общественного развития. Он приводил пример Англии, где два века не происходило революций, а более или менее успешное развитие Франции, с его точки зрения, шло не благодаря, а вопреки революциям³.

В разгуле беззакония и революционной стихии Веселовский в первую очередь выделял морально-этические предпосылки. Главная причина — невежество. Причем он был искренне возмущен тем, что грабежи и убийства оправдывают тяжелым наследием старого режима. С его точки зрения, такая логика только оправдывала «чернь», делая ее еще более безнаказанной⁴. «По мере углубления революции холуй от безнаказанности и революционной пропаганды нагелел, широкие слои общества отпора не давали, страх перед контрреволюцией ослабевал и революционная демократия становилась все снисходительнее в оценке поступков совершенно разнуздавшейся черни». По Веселовскому, именно такое попустительство подготовило почву для большевизма⁵. Они умело играли на инстинктах толпы, ловко манипулируя и используя ее в своих целях⁶. Для историка коммунизм — это «личина для прикрытия лика озверевшего раба»⁷.

В сложившейся ситуации историк не видел возможности организовать сопротивление «высших классов», пока «широкие массы сами не поднимутся против вооруженного засилья организованных большевиками отбросов общества»⁸. Историк выражал надежду, что русский народ сможет самостоятельно свергнуть большевистскую власть, для этого ему необходимо «уничтожить в себе элементы разложения и придти за-

¹ Там же. № 10. С. 118.

² Там же. № 9. С. 120.

³ Там же. № 8. С. 88.

⁴ Там же. С. 92.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 93.

⁷ Там же. № 10. С. 114.

⁸ Там же. № 8. С. 94.

тем к сознанию своих ошибок»¹. Но для борьбы, по мысли ученого, ему понадобятся предводители, а вот их-то он не видел. Революционная демократия (кадеты, эсеры, меньшевики и т. д.), по его мнению, показали свое неумение решать практические вопросы и оторванность от народа. «Итак, в сущности, выбора нет, — далее рассуждал Веселовский. — Остаются старые господа». Но и возвращение старого строя, даже существенно измененного, вызывало в нем скепсис.

В большевизме историк находил и «несомненные элементы сатанинского озлобления против всего и всех». По Веселовскому, это ярко проявлялось в «безоглядном разрушении, в страсти делать зло для зла»². Таким образом, историк подчеркивал антиобщественный характер большевистской власти. С точки зрения автора дневника, дальнейшее пребывание большевиков у власти приведет Россию к катастрофе, и чем дольше будет это пребывание, тем глубже будет падение.

Подводя итог, отметим, что Веселовский предложил последовательно негативный анализ социализма и большевизма. Его мысли, так же как и настроения Готье, совпадали с рассуждениями многих деятелей русской эмиграции³, что характеризует общие настроения большинства представителей русской интеллектуальной элиты по отношению к новой власти.

Особенное неприятие вызывало вмешательство новой власти в научно-педагогическую жизнь. Радикальный курс большевиков на пролетариацию университетских кадров расходился с представлением ученых об университете как храме науки. Тем не менее подавляющее большинство преподавателей не спешило увольняться. Во-первых, из-за того, что небольшая, но стабильная зарплата позволяла как-то выжить в вихре революционных событий, а во-вторых, многие расценивали свою работу как служение Отечеству, как свой долг спасения просвещения для будущих поколений. Показательны в этом смысле рассуждения Готье: «Я думаю, что оставаться в Университете [Московском. — В.Т.] и отстаивать его надо до последней возможности»⁴. Вообще у Готье были весьма пессимистические настроения на счет политики большевиков в отношении исторической науки: «Гуманитарные науки им не нужны, поскольку они не преследуют практические партийные цели. Факультеты будут заменены партийными школами, краткосрочными курсами...»⁵. Очевидно, что такой утилитарный подход не принимался историком, воспитанным

¹ Там же. С. 98.

² Там же. № 9. С. 115.

³ *Вандалковская М.Г.* Историческая мысль русской эмиграции. 20–30-е гг. XX в. М., 2009. С. 87, 204 и др.

⁴ *Готье Ю.В.* Мои записки... С. 160.

⁵ Там же. С. 387–388.

в духе фундаментального высшего образования. Видя, что рушится дело всей жизни, историк, естественно, находился в подавленном настроении: «Угнетенное состояние души; чувствую, что все валится из рук и ничего делать не хочется»¹.

Параллельно осмыслению места большевизма в записках историков много уделяется внимания роли русской интеллигенции в случившейся катастрофе. Так, Готье считал, что русской интеллигенции присуще отсутствие общественной морали на фоне мессианских устремлений. «Несчастливая страна с ее самозваными мессиями и незванным, непрошенным мессианством вот уже четыре века остается страной завтрашнего дня»², — восклицал он. Еще жестче высказывался Веселовский, прямо связывая русскую интеллигенцию и большевиков: «Спаивание илотов начала просто интеллигенция, затем оно было возведено в систему и усовершенствовано революционной интеллигенцией и наконец доведено до исступления большевиками»³. Он считал, что интеллигенция «оказалась самым дурным слоем русского общества и в настоящее время совершенно разбита, морально и политически»⁴. Таким образом, оба ученых придерживались так называемой «веховской идеологии», т. е. взгляда на русскую интеллигенцию, сформулированного в известном сборнике «Вехи. Статьи о русской интеллигенции» (1909). Типичными чертами такого мировоззрения были: отрицательное отношение к русской интеллигенции как носителю радикальных утопических идеалов, антипатриотизма и антигосударственных взглядов. Этому противопоставлялся умеренный либерализм, государственническая позиция, патриотизм, идеалы ответственности за успешное развитие России. Очевидно, что схожих взглядов придерживался Яковлев, в молодости начинавший как умеренный социалист, а затем изменивший свое политическое мировоззрение, что и привело его в стан Корнилова.

Таким образом, теоретические выкладки о сущности революции, интеллигенции и большевизма были более характерны для дневника Веселовского, что объясняется особенностями его характера, склонностью к рефлексии и строго научному осмыслению окружающей его действительности. Запискам Готье был присущ более эмоциональный подход. Но не меньшее место в дневниках историков занимает и описание событий через призму повседневной жизни. Дневники Готье и Веселовского уже становились объектом изучения в контексте анализа повседневной

¹ Там же. С. 262.

² Там же. С. 128.

³ *Веселовский С.Б.* Дневники 1915–1923, 1944 г. // ВИ. 2000. № 6. С. 100.

⁴ Там же.

жизни в революционную эпоху¹, поэтому отметим только основные черты их работ.

В записках историков наглядно рассматривается нарастающая бытовая катастрофа. Нехватка продуктов и элементарных удобств нагнетали пессимистические настроения московских историков. В марте 1918 г. семейство Готье вынуждено было подселить жильцов, чтобы избежать уплотнения. Ученому, привыкшему работать в собственном кабинете, далось это нелегко². Но эти неудобства померкли на фоне наступления продовольственного кризиса и, следовательно, опасности голодного существования. Так, если с начала революции особых перебоев с продовольствием не было, то с зимы 1917 г. проблемы с поиском продуктов питания коснулись и московских историков. Одним из способов решить эту проблему был переезд за город на дачу, где можно было не только достать продукты, но и вырастить их самим. Так, Веселовский увлекся разведением пчел в своем небольшом имении Татаринковке, а Готье вынужден был выращивать овощи на своем небольшом огороде. Кроме элементарного выживания, жизнь на даче, вдали от беспокойных городов, выполняла функцию ухода от реальности. Вообще прекрасная природа позволяла на время забыть о проблемах: «Ничто так живительно не действует, как природа: уйдешь в лес — и забудешь о большевиках»³. В Москву историки ездили хотя и часто, но только по рабочей необходимости.

Однако жизнь вдалеке от городов тоже вскоре стала небезопасной: по Московской губернии прокатилась волна захвата дач и помещичьих усадеб. И хотя это не коснулось напрямую ни Готье, ни Веселовского, это внесло ощущение опасности и неустойчивости положения. Впрочем, жизнь в постоянном страхе уже стала привычкой. В августе 1921 г. Веселовский сделал следующую запись в своем дневнике: «Мы живем тихо, однообразно, без волнений в настоящем и без надежд в будущем. Теперь, кажется, уже никто не надеется на близкий перелом и быстрое улучшение жизни»⁴.

В это же время и Готье, и Веселовский, и Яковлев, и Бахрушин все больше начинают думать об эмиграции. Веселовский себе признавался, что по менталитету он — не русский, а, скорее, европеец⁵. Поэтому мысль

¹ Аксенов В.Б. Повседневная жизнь Петрограда и Москвы в 1917 году: Дисс. ... канд. истор. наук: Рукопись. М., 2002; Сидорова Л.А. Стиль жизни и научного творчества историков на рубеже XIX–XX веков // История и историки: Историографический вестник. 2007. М., 2009. С. 108–120.

² Готье Ю.В. Мои заметки... С. 124.

³ Там же. С. 301.

⁴ Веселовский С.Б. Дневники 1915–1923, 1944 г. // ВИ. 2000. № 10. С. 113.

⁵ Там же. № 8. С. 106.

о выезде из страны казалась ему естественной. Уже 23 января 1919 г. Готье записал: «С Яковлевым и Бахрушиным решили, что, если будет мир, конечно, временный и, вероятно, кратковременный, надо тотчас же выбираться из совдепии»¹. Но, как известно, покинуть страну им не удалось.

Между тем нахождение в Советской России становилось все опаснее. В конце августа 1919 г. в результате операции ЧК многие московские историки оказались арестованными. Все произошло следующим образом. У известного историка-медиевиста Д.М. Петрушевского вечером должны были собраться гости для совместных занятий музыкой. Чекисты устроили там засаду и арестовали А.А. Кизеветтера, С.Б. Веселовского и его сына Всеволода, М.М. Богословского и Р.П. Богословскую. Все они были помещены в тюрьму и подвергнуты допросам на Лубянке. Всего в заключении пришлось провести две недели². В этой ситуации Веселовским сильно помог Яковлев, принесший им необходимые вещи и хлопотавший за них перед Д.Б. Рязановым³. В сложившихся условиях Готье писал, выражая всеобщий страх: «...Признаюсь, что никогда я не чувствовал так близко над собой дамоклов меч большевицкого узилища»⁴. Атмосфера страха привела к тому, что и Готье, и Веселовский боялись вести записи, которые в любой момент могли обнаружить и использовать в качестве компрометирующего материала. Готье унес свои заметки из дома и прятал дневник на работе, где и вел его. Веселовский отмечал: «Кто вел дневник, писал воспоминания и вообще накапливал материалы в связи со своей общественной, научной или другой деятельностью, бросают это дело... И без того духовная жизнь изуродована, забита, подавлена голодом, террором, разрушением всевозможных культурных учреждений и т. д.»⁵.

Тяжелую ситуацию усугубляли личные трагедии. Так, 6 декабря 1919 г. скончалась супруга Готье, Нина. После ее смерти историк был уверен, что его семейная жизнь закончилась и ему остается только достойно воспитать их общего сына, Владимира⁶. Трагедия посетила и семью Веселовского: 28 января 1919 г. умер его сын Константин⁷. В дневнике он записал: «Я до сих пор не могу освоиться с мыслью об этом. Усталые и истощенные нервы относятся к этому как-то странно тупо»⁸.

¹ Готье Ю.В. Мои заметки... С. 261.

² С.Б. Веселовский в письмах, мемуарах, дневниках // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX веков. Брянск, 2004. С. 218–221.

³ С.Б. Веселовский — А.И. Яковлеву. 1 сентября 1919 г. // Переписка С.Б. Веселовского... С. 464–465.

⁴ Готье Ю.В. Мои заметки... С. 309.

⁵ Веселовский С.Б. Дневники 1915–1923, 1944 г. // ВИ. 2000. № 8. С. 104.

⁶ Готье Ю.В. Мои заметки... С. 330–331.

⁷ Веселовский С.Б. Дневники 1915–1923, 1944 г. // ВИ. 2000. № 8. С. 87.

⁸ Там же. С. 88.

Не удивительно, что в таких условиях систематически заниматься научными исследованиями было просто невозможно. На неблагоприятные внешние условия накладывалась внутренняя опустошенность. «Я, при всей своей привычке и любви к труду, — не могу работать. Сажусь за свои научные темы, и неотвязно преследует мысль: это никому не нужно, бессмысленно...»¹, — признавался Веселовский. Несмотря на все это, исследовательская работа продолжалась. Более того, научная работа также превратилась в форму ухода от бытовых проблем.

2. Научная и просветительская деятельность

В новых условиях перед представителями старой академической науки стояло несколько задач: 1) в связи с уничтожением прежней системы хранения архивов возникла острая необходимость спасения этих богатств; 2) сохранение традиций дореволюционной исторической науки в новых условиях; 3) популяризация исторического знания в связи с возрастанием интереса к истории в переломную историческую эпоху. Надо сказать, что по мере сил в их решении приняли участие Готье, Веселовский, Яковлев и Бахрушин.

Большое значение в профессиональной деятельности Готье, Яковлева и Бахрушина занимал Румянцевский музей. Последний, благодаря дружеским отношениям с Готье и Яковлевым, поступил на работу в Румянцевский музей, где проработал с 1 октября 1918 г. по 1 декабря 1922 г.² Работа в музее в это время в основном заключалась в сохранении уже накопленных коллекций и принятии новых, оказавшихся под угрозой уничтожения из-за царившей в стране разрухи. Главные трудности возникали с элементарным снабжением дровами, инвентарем, продовольствием и т. д. Возникали регулярные конфликты с властями, вмешавшихся в работу музея и проводивших постоянные аресты работников. Особенно трудная ситуация сложилась после отставки директора кн. В.Д. Голицына. В самом коллективе музея также были непростые отношения: на место директора метил А.К. Виноградов, бывший достаточно близок к новой власти. После смещения Голицына именно Виноградов займет его должность. В 1918 гг. в музее произошел скандал. Сначала Готье, а затем Яковлев были обвинены в хищении музейных ценностей (на самом деле они пытались спасти их от конфискации). Если в случае с Готье все обошлось, то Яковлев был уволен 7 декабря 1923 г., хотя состава преступления в его действиях

¹ Там же. № 3. С. 105.

² Коваль Л.М. Указ. соч. С. 195–196.